

Летняя

ПРАКТИКА

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Мария Зайцева
Летняя практика
Серия «Практика любви», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005800
2022

Аннотация

– Данил... Вы что-то хотите мне еще сказать? – начала она, строго нахмутив брови, призвав на помощь весь свой преподавательский опыт.

Он – парень, обычный парень, избалованный, привыкший получать все, чего ему захочется. Любой каприз.

Сегодня его капризом была она.

Вот только она не готова выступать в роли игрушки. Какие бы ни были у него мотивы – обломается.

Она умеет разговаривать с такими.

– Хочу.

Содержание

Первая часть. Летние каникулы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Зайцева

Летняя практика

Первая часть. Летние каникулы

Май

Лена сидела перед зеркалом в большом банном полотенце, обернутом вокруг тела, и неторопливо наносила крем на лицо.

Неторопливо – это потому что впервые за долгое время ей некуда было торопиться.

Обычно она все делала на бегу, одновременно собираясь на работу, одевая сына в сад, пытаясь напихать его хоть какой-то едой и перехватить сама немного кофе.

Затем забег в детский сад, и галопом на работу. И вечером все в обратном порядке. Ужин, подготовка к завтрашнему дню, укладывание Вадима спать, быстрый душ, книга и сон.

И так день за днем.

Остановиться, посмотреть на себя катастрофически было некогда.

А стоило бы, стоило.

Лена удрученно размяла небольшую, неизвестно когда появившуюся морщинку у губ.

Это от того, что слишком резко их сжимает все время,

мало улыбается.

И кожа стала какая-то тусклая, рыхловатая.

И на шее морщины.

И к парикмахеру бы сходить, хоть концы волос подровнять.

Про маникюр всякие, педикюры и тому подобное она даже не вспоминала. Нет времени. Да и денег тоже.

Ну ничего, уже середина мая, скоро конец учебного года, потом она июнь работает и затем отпуск, наконец.

Летние каникулы.

Поехать, она, конечно, никуда не поедет, но вот просто отдохнуть, отоспаться, отвалиться на пляже у речки – все это тоже очень здорово.

Пожалуй, одно из основных преимуществ ее работы в школе – это именно длительный летний отпуск.

Сегодня ей к третьему уроку, сын еще спит, Лена решила отвести его попозже в сад, поэтому время на себя немножко есть.

Лена еще раз с неудовольствием размяла морщинку у губ, со вздохом махнула рукой.

Да уж, тридцать пять...

Как быстро все, надо же...

Вроде вот только ты школьница, волнуешься перед первым экзаменом, потом раз – и уже студентка, переживаешь перед первой сессией. Не успела оглянуться – и уже стоишь и трясешься перед дверью кабинета в свой первый рабочий

день в школе.

И потом бац – и где десять лет делись? И где та нежная, испуганная девочка, прерывисто и сбивчиво отвечающая на въедливые вопросы родителей своих учеников, краснеющая от недоверчивых взглядов, упрямо задирающая подбородок, показывая, кто здесь вообще-то учитель.

И кто эта усталая женщина, с тусклым цветом лица и морщинкой у не улыбочивых губ?

Лена отвернулась от зеркала и пошла будить сына.

Школа, как всегда, затянула в свой водоворот моментально.

Лена не успела переступить порог кабинета, поставить сумку на стол, как вереницей потянулись просители. Всем нужно было пересдать. Лена не была тираном, оценки ставила легко, пересдачу всегда разрешала. Ее вообще-то любили. И ученики, и их родители, и ее коллеги.

До начала урока было пять минут, быстро разобравшись с просителями, Лена отвернулась к доске, записывая тему урока.

Десятый класс за ее спиной шумел вполне сдержанно, все-таки люди собрались практически взрослые.

Лена любила работать со старшими классами. Она не то чтобы была на их волне, но договориться с ними было значительно проще, чем, например, с седьмыми и восьмыми.

Прозвенел звонок, Лена повернулась и выдохнула.

Понеслась.

Шесть уроков пролетели со скоростью света, Лена, забежав в соседний кабинет к приятельнице, учительнице русского языка и литературы Кате, застала там еще парочку своих коллег.

Все они были примерно одного возраста, поэтому сдружились и часто по окончании уроков сидели в одном кабинете, болтая, готовясь к завтрашнему дню, а иногда и выпивая чего-нибудь. Вот как сегодня.

Запах спиртного был вполне однозначным, Катя, высокая блондинка, с резкими, жесткими чертами лица, уже заметно покраснелась, и Лена, мимолетно подумав, сколько ошибок она пропустит в домашних заданиях, что проверяла, приняла свою кружку с кофе, щедро сдобренного коньяком.

– С чего веселье? – уточнила она.

– Да вот, Араметян принес, – Катя усмехнулась, Лена закатила глаза неодобрительно.

Она всегда отрицательно относилась к подаркам родителей учеников. Особенно когда это было не просто так. Сейчас это точно было не просто так.

Араметян отличался хронической неуспеваемостью. По всем предметам. Но с русским у него было совсем плачевно. Тем не менее, выплывал, каким-то образом.

А Катя периодически попивала дорогой армянский коньяк, щедро угощая коллег.

Лена допила кофе, чувствуя приятное тепло, разливающе-

еся по телу, и слегка захмелела даже. Вот что значит, экономить деньги на обедах.

– Ладно, я в библиотеку, и вернусь еще.

До библиотеки было десять минут ходу от школы. Лена, прихватив стопку книг, что необходимо было сдать, вышла на крыльцо школы, счастливо зажмурилась.

Середина мая, солнце, зелень.

Красота-то какая!

Лена легко шагала по улице, улыбаясь солнечным лучам, ласкающим кожу, полностью погруженная в это редко посещающее ее в последнее время ощущение простого наслаждения от самых обыденных, но таких чудесных вещей.

Она обогнула компанию каких-то мрачных парней в кобурах, растопырившуюся на весь тротуар и половину проезжей части несколькими мотоциклами самого устрашающего вида, придержала одной рукой рассыпающиеся книги.

В библиотеке было прохладно и темно с улицы.

Лена остановилась у стеллажа с новинками, внимательно изучая, рядом подошел какой-то парень, массивной фигурой загораживая весь свет. Лене стало неудобно, и она отодвинулась чуть дальше.

Прихватила книгу в яркой обложке и пошла к стойке библиотекаря.

На крыльце Лена опять чуть задержалась, подняв лицо и улыбаясь солнцу, когда сбоку раздался мужской голос:

– Елена Николаевна?

Лена обернулась, с удивлением увидела рядом с собой того самого высокого парня, что загоразживал ей свет в библиотеке. Прищурилась, не узнавая его.

Парень спустился на две ступеньки вниз, и все равно еще порядочно возвышался над Леной.

У него была невероятно привлекательная, располагающая к себе, улыбка, лохматые волосы, пирсинг в брови, крепкий, массивный разворот плеч, затянутых косухой.

И фантастически подкупающий, искренний взгляд.

Взгляд молодого, довольного собой, окружающим миром, и вообще всем на свете, человека.

Лена машинально улыбнулась в ответ, ловя себя на мысли, что, глядя в такое открытое лицо, нельзя не улыбнуться, и с ожиданием уставилась на него.

Она его совершенно не помнила. Он ее откуда-то знал. Может, бывший ученик. Не ее, конечно, всех своих она помнила, но, может, в школе учился когда-то, видел ее, все-таки десять лет она здесь проработала. А, может, молодой отец первоклашки. Хотя, вряд ли. Слишком молодой...

– Я Данил, – парень наконец-то понял, что она его не узнала, – ну, помните, зимой, на вечере встреч выпускников...

О да! Теперь Лена его вспомнила.

На вечере встреч выпускников она была дежурной, смотрела за порядком на первом этаже. Выпускники уже разбрелись из актового зала по кабинетам, с удовольствием обща-

ясь с учителями, у некоторых в сумках вполне однозначно позвякивало, но директор приказала не препятствовать. Главное, чтоб не до свинства.

Лена стояла в коридоре. Со своими выпускниками она уже пообщалась, и теперь наблюдала, чтоб все было чинно-благородно.

Мимо прошли двое высоченных парней, уже по виду слегка нетрезвых, оглянулись на нее заинтересованно.

Лена немного смутилась. Внимание незнакомых мужчин, да еще и в школе, напрягало.

Лена знала, что выглядит неплохо. На свои года, но вполне еще ничего. В темноте так может и за двадцатипятилетнюю сойти. Особенно для нетрезвого мужчины.

Парни переглянулись и подошли поближе.

Да, они определенно были нетрезвы. И они определенно принимали ее за кого-то другого, потому что один из них облокотился на стену, перекрывая выход, а другой, “дыша духами и туманами”, проворковал:

– Какая красивая девочка, ты чего тут забыла? Практикантка?

Лена, выпавшая в осадок еще на “красивой девочке”, совершенно потеряла дар речи на “практикантке”.

Да уж, парни накидались просто в сопли, если даже с близкого расстояния не могли отличить взрослую тридцатипятилетнюю женщину от студентки.

И ориентиры потеряли, флиртуя в школе!

Лена только открыла рот, чтоб высказать им гневным учительским тоном все, что она о них и об этой ситуации думает, как парень, что спрашивал ее, протянул лапищу к ее лицу, поправил выпавший локон за ухо, мимолетно чуть мазнув по щеке и задев шею:

– Меня Данила зовут. Не скучно тебе здесь? Поехали покатаемся?

Лена просто в ступор впала от его наглости.

И от неожиданности.

Ее нагло клеили! И где? В школе! И кто? Какие-то малолетки! Да им едва за двадцать!

Лена попыталась все-таки что-то ответить, а то ну совсем ведь дурой выглядит, как рыба открывая и закрывая рот и тараша глаза удивленно.

Данила между тем, ободренный ее молчанием, не иначе, как решил, что это все результат его неземного очарования, и решил закрепить успех:

– На байке каталась когда-нибудь?

Это было сказано хриловатым, тягуче-сексуальным голосом, от которого, в совокупности с потрясающей внешностью и наличием байка, с Лены должны были со свистом слететь труссы.

Лена набрала в грудь побольше воздуха, чтоб отправить, наконец, наглеца туда, куда обычно отправляют зарвавшихся юнцов серьезные взрослые женщины, когда дверь соседнего

кабинета открылась и оттуда вышла завуч школы, Людмила Геннадьевна, уже много лет носившая переходящее из поколения в поколение прозвище Таблетка.

– Елена Николаевна, – строго осведомилась она, – все в порядке?

– В полном, – кивнула Лена, с достоинством обошла застывшего Данилу, подойдя к начальству, – мне надо еще один этаж проверить, сюда сейчас Екатерина Петровна придет.

– Шатров? – Таблетка обратила внимание на приставучего Данила, – Востриков? Что-то вы задержались, там ребята вас заждались уже.

– Да, Людмила Геннадьевна, – в унисон пробасили парни и потянулись за завучем, как утята за мамой-уткой.

Данила, впрочем, успел, повернувшись, мазнуть по Лене удивленным взглядом и, чуть заметно улыбнувшись, покачать головой.

Как будто что-то нереальное увидел.

Лена ответила на его взгляд спокойно и уверенно, как и положено взрослой, самодостаточной женщине. Учительнице.

Вот только сердце потом долго поекивало от невольных воспоминаний о случайном касании теплых пальцев к щеке и шее, о тяжелом внимательном взгляде и хрипловатом возбуждающем голосе.

Лена списала это на хроническую нехватку секса и физиологическую примитивную реакцию тела, и успокоилась.

И вот теперь, глядя в открытое приветливое лицо, узнавая тот самый внимательный взгляд, Лена невольно вспомнила те свои тогдашние ощущения, и покраснела непроизвольно.

– Да-да... – как можно более нейтрально и деланно рассеянно ответила Лена, – что-то такое припоминаю... Что же, приятно было увидеться.

Она вежливо кивнула и сделала попытку обойти его, но парень передвинулся так, чтоб заслонить ей дорогу, улыбался еще шире:

– Может подвезти вас? Вам куда?

– Нет, спасибо, – Лена сделала еще одну попытку спуститься, его близость смущала, хотелось отойти подальше, – я в школу иду, здесь рядом.

– Да, я помню, – кивнул он, опять передвигаясь вместе с ней, не пропуская, – тогда давайте провожу, помогу донести книги.

– Ээээ... – Лена пыталась придумать по-быстрому причину отказа, но Данил уже отбирал сумку с книгами из ее рук, другой рукой подхватывая ее под локоть, аккуратно, но так властно, что понятно было – просто так не вырваться.

– Да ладно вам, вы боитесь что ли меня? – улыбался он так по-мальчишески очаровательно, что Лена не смогла устроить разборку прямо сразу, на месте, и подчинилась, позволяя вести себя по улице.

По дороге Данил ни на секунду не закрывал рот, судя по всему, применяя к ней весь свой арсенал для очарования девушек.

Лена отвечала сухо, скованно, не понимая причины такого поведения.

Ну ладно тогда, в полутемном коридоре, он мог принять ее за ровесницу, но теперь-то, теперь!

Почему он так себя ведет? Так, как будто она ему интересна? Чем она может заинтересовать такого, как он?

Немолодая, некрасивая, невеселая.

И не производящая впечатления доступной женщины.

Он издевается над ней? Может, поспорил на нее?

Лена терялась в догадках.

В любом случае, каковы бы ни были причины такого его поведения, Лена не собиралась продолжать с ним общение.

О чем она и заявила Данилу на крыльце школы, в ответ на его предложение встретиться после работы.

Лене казалось, что она была максимально убедительна, и какие бы причины ни были у этого парня, она своим отказом полностью дала понять, что у него ничего не выйдет.

Она зашла в школу, ощущая на спине его тяжелый изучающий взгляд, так мало подходящий к открытой мальчишеской улыбке, успешно поборов в себе желание оглянуться.

В ее жизни не было места глупостям.

Таким, как он.

Июнь

Лето упало на город внезапно, люди просто не успели подготовиться. Буквально вчера стоял не июньский холод, цвели яблони и вишни, и все ходили, кутаясь в ненавистную теплую одежду, а уже на следующий день температура резко поднялась на десять градусов, что воспринималось практически как тропическая жара.

Лена, как и все остальные, такие перепады переносила не очень хорошо, и радовалась, что в школе всегда прохладно летом, в любую жару.

Она любила работать в июне. Тихое, спокойное время. Ученики все на каникулах, только старшеклассники приходят на консультации по ЕГЭ и экзаменам.

По ее предмету, географии, даже этой работы было немного, поэтому освобождалась Лена примерно в двенадцать дня, максимум в час, после чего спокойно шла домой, где напрягаться тоже не приходилось.

Сына она отправила еще в начале июня в деревню к маме, поэтому вопрос отвода в садик отпал.

Лена скучала по Вадимке, переживала, как он там, хотя, в глубине души понимала, что волноваться точно не стоит.

Родители, после выхода на пенсию, купили небольшой домик в деревне, недалеко от города, оставив квартиру дочке. Отец за пару лет из развалюхи сделал чудесный коттеджик в два этажа, с газончиком, теплицей и большим надувным

бассейном на территории.

Сама деревня, хоть и была недалеко от города, все же находилась в стороне от оживленной М5, поэтому чужие туда практически не заезжали.

Вадим уже второе лето проводил с бабушкой и дедушкой, и в прошлом году вернулся поправившийся, вытянувшийся, загорелый и довольный.

Заряда здоровья хватило на целый год, Лена забыла, что такое сопли в межсезонье, поэтому вопрос, куда отправить ребенка на лето, даже не задавался.

Дед с бабкой души не чаяли в единственном внуке, глаз с него не сводили, и это было хорошо.

Потому что мало ли что могло взбрести в голову бывшему мужу.

В последний раз, например, под предлогом общения с сыном, не виденным до этого полгода, Виктор украл все немудрящие украшения Лены.

Было не жалко, все равно не носила, но вот за сына до слез обидно.

Отец на эту историю отреагировал однозначно, настаивая на милиции, но Лена не стала давать делу ход. Украшения не вернешь, и нервы тоже.

Да и взял Виктор все то, что когда-то дарил ей, еще в той, прошлой счастливой жизни.

Теперь сын в деревне, куда Виктор точно не приедет, зная

отношение к нему ее отца и наличие у того зарегистрированного охотничьего ружья, а значит, никаких дополнительных психологических травм.

Лена закончила с планированием для седьмых классов на следующий год, открыла окно в кабинете. Тут же в помещение ворвалась удушающая полуденная жара, такая, что даже блузка сразу к спине прилипла.

Все, хватит. Сегодня она на пляж. Весь город уже там побывал за эти несколько жарких дней, а она все никак не могла доехать.

Дома Лена переделалась в купальник, осмотрела себя критически. Ну, в целом неплохо.

Фигурка у нее сохранилась практически девичья, что неудивительно при ее-то жизни на ногах и с малопитательными перекусами на бегу. Грудь, значительно увеличившаяся после родов и кормления ребенка, обтянута ярким лифом купальника, тоже радовала.

Морщинка у губ, так расстраивавшая Лену, была заметна только с близкого расстояния, на которое она, собственно, никого не собиралась допускать.

В целом, если не приглядываться, выглядела она моложе своих лет. Особенно, если в глаза не смотреть. И близко не подходить.

Во второй половине буднего дня на пляже было полно народу.

Вода, конечно же, еще холодновата для купания, но вот

позагорать вполне можно было.

Лена улеглась на полотенце, намазалась кремом и блаженно вытянулась с книгой.

Нет, есть все-таки в ее работе очевидные, неоспоримые плюсы! Ну вот где еще можно так, полдня пробездельничать?

Еще бы платили побольше...

Рядом уселся какой-то не особо приятный мужик, с расцветченной куполами спиной. Лена знала, что это значит, поэтому, пожившись, отвернулась, демонстративно не обращая внимания.

Но мужик тоже ни на кого особо не обращал внимания, быстро выдул полбутылки водки и мирно уснул прямо на песке, укрывшись своим полотенцем. Только храп раздавался.

Лена улыбнулась непонятно чему, почему-то совершенно не раздраженная ни не особо приятным соседством, ни довольно оригинальным храпом, по звуку похожим грохот скатывающейся с металлической крыши картофелины.

Солнышко припекало, волны мерно и усыпляюще накачивали, сосед убаюкивающе храпел. Идиллия.

Когда стало слишком припекать, Лена повернулась, изучающе глядя на воду. Дети плескались вовсю на мелководе, некоторые отчаянные взрослые зашли на глубину.

Лена покосилась на спящего соседа, потом решительно сложила сумку, перебираясь поближе к воде, оставила вещи

возле какой-то шумной семейной пары с детьми и, выдохнув, пошла к воде.

Все оказалось не так страшно, если резко заходить и задерживать дыхание.

Вода, конечно, холодновата, но удовольствие от плавания было неопишваемым.

Пять минут поплавав, Лена решила, что на первый раз достаточно, и вышла из воды. Подошла к своим вещам, взяла полотенце, чтоб отжать волосы. Откуда-то сверху внезапно раздался восхищенный свист и слова:

– Вот это фигурка!

Голос был знаком. Очень даже знаком. Лена медленно повернулась.

Данил стоял неподалеку, в районе кафешек, вертел в руках темные очки, смотрел с восхищением, и был невероятно, просто возмутительно хорош в футболке с коротким рукавом, открывающей вид на его полностью забитые цветными татуировками руки, и темных мотоциклетных штанах с грубыми высокими ботинками.

Он улыбался все так же, как Лена запомнила, весело и обезоруживающе. Так, что невольно губы растягивались в ответной улыбке.

Пока Лена замирала от неожиданности и разглядывала его, парень уже сбежал с площадки перед кафешками и приблизился к ней.

– Елена Николаевна? Так и думал, что это вы. Сразу вас

узнал.

Вот как он так умудрялся?

Слова, вроде бы совершенно невинные, нейтральные, но, в совокупности с очень говорящим плотоядным практически взглядом и тем его возмутительным наглым свистом, приобретали другой, ярко выраженный пошлый окрас.

Лена, чуть вспыхнув (что было очень странным для женщины ее возраста), никак не могла придумать, как бы достойно ему ответить, и не хватало времени вообще задуматься, а с чего это она так разволновалась, с чего это она ищет слова, с чего это она думает о том, как выглядит в его глазах?

Ее хватило только на нейтральное:

– Здравствуйте.

И деланно вопросительный взгляд.

Данил усмехнулся, явно давая понять, что он не дурак, но принял ее игру:

– Данил Шатров, помните, на вечере встречи? И потом я вас провожал от библиотеки...

– Ах, да... Да, что-то такое припоминаю. Как у вас дела?

Лена пыталась говорить как можно более вежливо и нейтрально, чувствуя себя очень неудобно в мокром купальнике, с влажными волосами, с которых стекала вода, и совершенно ненакрашенным, покрасневшим от загара лицом.

Данил смотрел темно и жадно, как-будто прикасался взглядом, оглаживал.

Это было странно и пугающе.

Это возбуждало.

– Да вот, отдыхаю здесь с друзьями. – Он, наконец, оторвал от нее взгляд, мотнул подбородком в сторону кафе, – не хотите присоединиться?

– Нет, – торопливо помотала головой Лена, – я уже уйду, спасибо.

– Да ладно вам, – Данил не отрывал от нее глаз, опять, будто гипнотизируя, – совсем ненадолго. Мы не кусаемся!

– Нет. – Лена была далека от мысли сидеть в компании незнакомых людей, тем более в таком виде. – Спасибо.

К тому же, если его друзья одного с ним возраста, то она явно там будет не к месту.

– Ну давайте я вас подвезу, – Данил не унимался, по-прежнему сокрушительно улыбаясь, такой уверенный в своей неотразимости, в том, что ни одна женщина ему не откажет, что Лена, внезапно разозлившись, резко шагнула вперед, сокращая расстояние, и тихо, но очень решительно спросила:

– Данил, вы меня вообще слышите? Что вам от меня надо? Я не ваша ровесница, чтоб играть со мной, развлекать вас я не собираюсь. Я несколько раз сказала вам “Нет”, зачем вы настаиваете? Вам мало девушек вашего возраста? Решили поиграть во взрослые игры со взрослой тетенькой?

Данил, немного нахмурившись, удивленно окинул взглядом ее решительное лицо с нахмуренными бровями, затем тоже сделался серьезным:

– А если скажу, что ты мне понравилась? А? И никаких игр?

Лена посмотрела на него с внезапной усталостью, словно этот порыв все ее душевные силы забрал:

– Данил, не говорите ерунды. Мы с вами в разных весовых категориях.

Она отвернулась, достала платье, поискала глазами кабинку для переодевания.

– Прощайте, Данил. И, мой вам совет, найдите себе девушку своего возраста.

Лена развернулась, чтоб уходить, но Данил внезапно схватил ее за руку и со словами: “Мне твои советы нахуй не нужны”, – дернул к себе и впечатался в испуганно раскрытые губы злым долгим поцелуем.

Лена буквально не смогла устоять на ногах от неожиданности, обвиснув в его руках. Она настолько удивилась, настолько не ожидала ничего подобного, особенно здесь, на пляже, в общественном месте, что даже в первые полминуты не понимала, что делать. Словно мозги напрочь отшибло.

Данил воспользовался этим временным затмением на полную катушку, по-хозяйски скользя руками по ее телу в мокром купальнике, залезая языком в безвольно открытый рот, прерывисто дыша, обволакивая ее своим тяжелым жарким телом.

Лена, к своему стыду, почувствовала, что ее тело очень

даже бурно откликается на такое неожиданное ласковое насилие, грудь становится невозможно чувствительной, поддаваясь чужим рукам, талия выгибается послушно, ладони почему-то не отталкивают, а покорно лежат на широких плечах парня.

Это было странно. Это было чудовищно.

Понимание, что она ведет себя, как животное, поддаваясь напору незнакомого и ненужного ей мужчины, ворвалось в мозг, уже практически отключившийся, и отрезвило в момент.

Лена протестующе застонала Данилу в губы, начала извиваться, стараясь вывернуться из его рук.

Он почувствовал эту перемену в ее поведении, но еще немного потянул время, показывая ей, кто хозяин положения, продолжая неторопливо целовать, исследовать ее тело жадными руками. Затем оторвался от ее губ, но, не удержавшись, провел языком по шее и ключице, собирая соль и речную воду с кожи.

Лена, опять получив возможность говорить, торопливо и гневно забормотала ему в склоненную к ней шею:

– Данил! Данил! Да что вы себе позволяете? Отпустите меня, слышите? Я сейчас полицию...

Тут ее агрессор, наконец, оторвался от нее, заглянул в испуганные злые глаза:

– Не решай за меня, чего мне надо, а чего нет, поняла? Ты мне не мать и не училка.

– Отпусти, – Лена решительно уперлась руками ему в грудь, отталкивая.

Данил еще пару мгновений постоял, словно размышляя, отпускать или нет, затем нехотя разжал руки.

Лена, подхватив вещи, практически бегом побежала к остановке троллейбуса, наплевав на переодевание.

Только бы от него, только бы подальше! Только бы не пошел следом, не разглядел горящие от возбуждения и страха щеки, торчащие соски, что еще больше подчеркивались мокрым лифом купальника, не понял, как трясутся до сих пор коленки.

Троллейбус как раз подъехал, хоть в этом повезло.

Лена запрыгнула внутрь, уселась на сиденье, и только теперь смогла выдохнуть, откидываясь на спинку в изнеможении.

Мысли в голове прыгали бешеными лягушками, и основной было: “Какого черта она так среагировала???”.

Уже на подъезде к своей остановке, более-менее успокоившись, Лена пришла к выводу, что во всем виновато, как всегда, отсутствие секса.

Правда, она никогда не могла предположить, что так от этого зависима.

Последние годы жизни с мужем, болезненный развод, казалось, навсегда отвратили ее от радостей этой сферы жизни. И, до недавнего времени, Лена и не задумывалась об этом.

Муж был ее первым и единственным мужчиной, ей было

с ним хорошо в начале их совместной жизни, но вот затем... Затем стало не до этого. А позже Виктор стал Лене настолько отвратителен, что одна мысль о том, что он к ней прикоснется, вызывала тошноту.

Первый звоночек того, что не совсем ей все безразлично, прозвенел тогда, в вечер встреч, когда Данил прикоснулся к ней, убирая волосы за ухо.

Потом, после встречи возле библиотеки, придя домой, она, стыдливо отводя глаза, стояла возле зеркала, осматривая себя, вспоминая его недвусмысленный тяжелый взгляд, гадая, чем она могла привлечь его, и не находя ответа.

В итоге решила, что ей все привиделось, придумалось, и, может, по совету Кати, все-таки пойти купить вибратор?

Но сейчас, после этого наглого поцелуя на пляже, стали понятны две вещи.

Во-первых, ей не привиделось. Она определенно чем-то заинтересовала Данила. И второе: ей точно нужен вибратор. Потому что тело, похоже, проснулось от многолетней комы и теперь могло подвести ее в самый неожиданный момент. Такой, как сегодня.

Лена вышла из троллейбуса, перешла дорогу, прошла внутрь квартала, к своему дому.

Задумавшись, она не сразу поняла, что уже какое-то время слышит вполне отчетливый рев мотора сзади. Не похожий на машинный. Скорее... Скорее всего, это мотоцикл!

Лена, внутренне вздрогнув, медленно обернулась, уже

зная, кого она увидит за спиной.

Данил. Конечно, Данил.

Сидит, зараза, на своем мотоцикле, уже успел мотор заглушить, поняв, что она его увидела. Улыбается своей бесшабашной мальчишеской улыбкой. А глаза-то внимательные, острые. Жадные.

Лена, пожившись и гадая, как она так его проворонила и поздно заметила, лишь вскинула подбородок и пошла к нему.

Надо расставить все точки над *i*. Ну адекватный же он человек, в конце концов! Должен же слова понимать?

Он встал с байка и пошел ей навстречу.

Лицо Данила было спокойным, все таким же открытым, улыбчивым.

В общем, Лена обманулась его нарочито неопасным видом, и не отшагнула назад, позволив ему подойти близко. Слишком близко.

– Данил... Вы что-то хотите мне еще сказать? – начала она, строго нахмутив брови, призвав на помощь весь свой преподавательский опыт.

Он – мальчик, обычный мальчик, избалованный, привыкший получать все, чего ему захочется. Любой каприз. Сегодня его капризом была она.

Вот только она не готова выступать в роли игрушки. Какие бы ни были у него мотивы – обломается.

Она умеет разговаривать с детьми.

– Хочу.

Тут Данил резко сократил расстояние между ними, схватил Лену за плечи, подтягивая ближе к себе, одной рукой обхватывая ее за талию, а другой сжав оба ее запястья. Сделал он это до того быстро и ловко, что Лена даже сказать ничего не успела.

Вся ее решительность, весь настрой, весь опыт педагогической деятельности – все эти прекрасные качества сейчас стали неактуальны. Позабыты.

Лена стояла в его объятиях, замерев, как мышонок в тисках удава, сердце билось где-то в районе горла, ноги подкашивались.

– Ты одна живешь? – тихо, прямо в губы, спросил Данил.

Она кивнула, как замороженная, хотя где-то в глубине еще функционирующей части мозга, забила в истерике мысль: “Дура, дура! Чего ж ты творишь, дура?”

Но тело совершенно не среагировало подступающую паническую атаку, просто отключив мешающий ему орган. За ненадобностью.

Данил повлек ее к подъезду, не выпуская из рук, не прерывая телесный контакт, словно понимая, что, отпусти он ее хоть на секунду, и сразу мозг отвоюет позиции.

– Этаж какой?

– Первый.

Уже в подъезде возле квартиры Лена все-таки актуализировала аварийный режим, правда сил хватило только на за-

тормозить.

– Данил...

– Ты чего, хочешь прямо здесь? Поговорить? Чтоб бабки все из глазков повыпадали?

Он был убедителен. Или ей так хотелось верить в это? Хотелось, чтоб он убедил ее?

Лена кивнула, как в тумане, и открыла дверь, отчетливо понимая той самой, все еще функционирующей частью мозга, что делает она это совершенно зря. Что выпускает в дом зверя.

То, что Данил и не собирался разговаривать, было очевидно.

В темной прихожей развернуться было негде, дверь захлопнулась сама, потому что именно к ней Данил и прислонил не стоящую на ногах Лену.

Он притормозил немного, упершись двумя руками по обе стороны от ее лица, вдохнул запах речной воды, исходящий от ее волос:

– Так че ты там насчет поговорить? А?

– Я... Я думаю, в комнате будет удобнее... – Лена облизнула совершенно сухие губы, уперлась руками в грудь парня, стремясь увеличить расстояние между ними, в полумраке коридора глаза Данила сверкнули каким-то совершенно хищническим блеском.

Как не похож он был сейчас на того очаровательного улыбчивого мальчика, что клеился к ней возле библиотеки

и потом, на пляже!

От того молодого парня веяло энергией, светом, веселым мальчишеским задором. От мужчины, что стоял так близко от нее сейчас, волнами исходила тяжелая плотная аура секса, подчиняющая, лишаящая рассудка.

– Да, – согласно кивнул он, наклоняясь еще ближе, совершенно игнорируя упирающиеся в него руки Лены, – в комнате точно будет удобнее.

Ладони его соскользнули с дерева двери, оказались на талии женщины, затем ниже, на ягодицах, резко приподняли, словно она и не весила ничего, и посадили Лену на бедра.

Платье задралось, через мокрую ткань купальника Лена ощутила жестко врезающуюся прямо ей между ног грубую ткань мотоциклетных штанов, Данил резко двинул бедрами, усаживая ее еще ближе, удобнее, и понес Лену в комнату, безошибочно находя дорогу в спальню.

Лена, которая от трения через ткань трусиков, уже была практически на пределе, не сопротивлялась больше. И поговорить не пыталась.

О чем тут разговаривать?

Она совершает очевидную глупость. Это понятно. Как понятно и то, что в ближайшие часы она точно ни о чем думать не будет.

Мозг печально покрутил пальцем у самого себя и со вздохом отключился. Тело, омываемое предоргазменными волнами, счастливо и свободно гикнуло и нырнуло в пучину

удовольствия.

Аккуратно опрокинутая на кровать, Лена сквозь полуприкрытые ресницы наблюдала, как ее неожиданный мужчина раздевается, стягивая футболку через голову, открывая потрясающий крепкий расписной торс с широченными плечами и огромными массивными руками, дергает за пряжку ремня, моментально освобождаясь от штанов и обуви, приостанавливается, с огромным удовольствием оглядывая фигуру раскинувшейся перед ним женщины.

И Лена, под этим одобрительным взглядом внезапно начинает чувствовать себя невероятно привлекательной, нереально сексуальной и невозможно молодой.

Она медленно поднимает руки, начинает расстегивать пуговицы летнего простенького платьица, открывая вид на все еще мокрый лиф купальника, на грудь с торчащими от возбуждения сосками, отчетливо проглядывающими через влажную ткань.

Пальцы подрагивают, и Лене не с первого раза удастся расстегнуть пуговицы дальше, эта задержка просто невозможна для Данила, поэтому он решительно тянется руками к ее платью и рывком распахивает его, не обращая внимания на охнувшую от неожиданности женщину, попутно сдирает все остальные мокрые тряпки с ее тела, обхватывает освобожденные груди широченными ладонями, и Лена стонет, стонет от невероятного, давным давно забытого ощущения сильных уверенных мужских рук на своем теле.

На теле, которое, оказывается, совсем не собиралось уходить в спячку навечно, и теперь ей это доказывает, доказывает каждым бешеным импульсом под кожей, каждым дрожащим мускулом под чужими пальцами, каждым невольным вздохом, вырывающимся из груди.

Лена не соображает совершенно, что происходит, что с ней делает Данил, она только чувствует, только ощущает, только воспринимает. Всей кожей, всеми мускулами, всем телом. Всем сердцем.

Руки скользят, радуясь новым тактильным ощущениям, гладкости кожи, твердости мышц, колкости щетины.

Грубый рывок, сопровождающая его несильная боль, не возвращают с небес на землю, нет. Наоборот, задевают новые, еще не задействованные до этого нервные окончания, которые тоже ноют от радости, от того, что они, наконец-то, понадобились!

Движения, жесткие и размашистые, длинные и неторопливые, постоянно меняющийся темп, абсолютно отключают способность воспринимать реальность. Хоть как-то воспринимать реальность.

Лены здесь нет, нет в этом мире. Она где-то там, в другой, параллельной вселенной, и волны накатывают, накатывают, накатывают, дурманя, сводя с ума, заставляя беспорядочно цепляться за широкие, бугрящиеся мускулами плечи, как за незыблемый оплот в этом море наслаждения. Шепот,

жаркий и настойчивый, так совпадает по своей амплитуде с волнами, что только добавляет удовольствия, быстрее приближая к развязке. И Лене страшно подумать, что же это будет за развязка, когда она уже сейчас готова умереть от удовольствия.

Она плотнее прижимается к ее берегу, ее незыблемому проводнику, направляющему ее в мир наслаждения, чувствует мгновенную сладкую боль от впившихся в шею зубов, и мир прекращает свое существование, взрываясь в теле сверхновой.

Это настолько разрушительно прекрасно, что Лена еще минут десять просто лежит, обмякнув в сильных руках Данила, уткнувшись ему в плечо мокрым лицом, и прерывисто дыша. Собирая себя в единое целое.

– А ты пиздец как хороша, малышка, – слышит она восхищенный шепот, и ее даже не коробит мат, и это глупое пошлое “малышка”. Это все неважно. Неважно, в какие формы облечено наслаждение.

Мозг возвращается на родину только под утро, после того, как тело еще два раза испытывает невероятное, нереальное удовольствие.

Лена смотрит на спящего мужчину, широко и привольно раскинувшего сильные руки в ее постели, на его цветную татуировку на спине, что-то с черепами, волком, воющим на луну и замком, стоящим на горе.

Это до невозможности brutally, красиво, мощно. И так,

по-детски, наивно...

Сколько ему лет? Она даже не спросила вчера. Она вообще ни о чем не спросила у него.

Учительница, умеющая разговаривать с детьми.

Во сне лицо его еще более открытое, слегка наивное, красивое. Детское. Щетина смотрится пушком на щеках. Нежные чувственные губы.

Красивый мальчик.

Захотел новую игрушку.

Ну что же, поиграл на славу.

Игрушке тоже понравилось.

Данил, словно почувствовав ее взгляд, открывает глаза, сонно и сыто улыбается.

– Ты чего там, малыш, иди ко мне, – голос его со сна хриплый и томный. Обещающий.

Неутомимый какой.

Лена отводит взгляд.

– Данил, мне на работу надо, да и тебе пора, наверно.

– Лады, – он рывком садится на жалобно скрипнувшей кровати.

Да уж, до этой ночи она не скрипела...

– Я после работы заеду за тобой, прокатимся на пляж, или еще куда захочешь... – голос уверенный, не спрашивающий.

Уведомляющий.

– Нет, я не смогу сегодня, – Лена старается звучать безэмоционально, отстраненно.

– Ну вечером тогда. – Данил находит белье и брюки, одевается.

Лена отворачивается. Хорош, зараза, аж скулы сводит.

– Нет.

Данил останавливается, держа в руках футболку, смотрит на нее. Взгляд его, до этого безмятежный и спокойный, наливается знакомой тяжестью, злостью.

Лена, поборов дикое желание сглотнуть внезапно набравшую слюну, продолжает:

– Я думаю, нам не стоит больше видеться. Я замужем. Муж в отъезде сейчас. Ребенок в деревне у бабушки.

И добавляет, глядя насколько возможно твердо и прямо в темные яростные глаза:

– Я очень хорошо провела время с тобой. Спасибо.

По его лицу件нятно, что лучше бы ударила. Потому что теперь он еле сдерживается, чтоб не ударить самому.

Но, надо отдать должное, берет себя в руки быстро, усмеяется, оглядывая ее опять, как в первый раз, медленно-тягуче. Нахально.

– Всегда пожалуйста, малыш. Звони, если что.

Делает движение, чтоб подойти, но Лена отшатывается еле заметно. Она опасается, что, если опять почувствует его жаркое тело рядом с собой, то растечется лужицей по паласу, вцепится в него всеми конечностями, и будет умолять не уходить. Проклятая память тела, которому сделали так хорошо, как никогда до этого.

Данил понимает это движение по своему, потому что зло поводит шей и проходит мимо, к выходу.

Лена стоит, смотрит в кровать, на то место, где только что лежал Данил, не вздрагивая от звука захлопнувшейся двери, от рева мотора байка.

Потом, вздохнув, собирается на работу.

Разные весовые, да.

Июль

Новый ночной клуб, открытый совсем недавно, как раз к сезону, особо не впечатлял.

Нет, само собой, он был неплох.

Музыка, модный нынче дизайн в стиле Великого Гетсби... Нихрена оригинального с претензией на оригинальность. И название тоже... С претензией. Гетсби.

Но, как и всякое, с размахом открытое, новое, модное заведение, в пятницу вечером оно было переполнено.

Наряду с уже до блевоты знакомыми рожами, которые кочевали из одного клуба в другой, было много нового и интересного.

Данил, лениво облокотившись на перила возле столика, позволяющие с высоты видеть танцпол, расположенный вокруг барной стойки и сцены, дымил кальяном и разглядывал танцующих людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.